

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 219–222

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 219–222

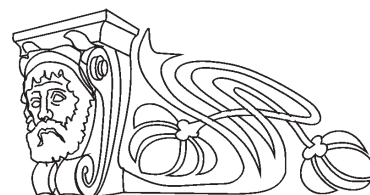
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-219-222>, EDN: PRBQMS

Научная статья

УДК 324

Риски применения искусственного интеллекта в политике

В. И. Федоров

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

Федоров Владислав Иванович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, vifedorov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

Аннотация. Искусственный интеллект и большие языковые модели становятся все более значимым инструментом в политической сфере жизни общества, оказывая влияние на избирательные кампании, принятие политических решений и коммуникации между государством и обществом. Целью работы является выявление рисков применения искусственного интеллекта в политике на российском эмпирическом материале. В статье комплексно использованы дискурс-анализ научных публикаций академических исследований, связанных с рисками применения больших языковых моделей в политике, сравнительно-правовой метод научного исследования и метод сценарного прогнозирования, что позволило выделить пробелы законодательного регулирования и обозначить необходимость совершенствования законодательства. В фокусе внимания данной работы – риски применения искусственного интеллекта в политике, включающие ангажированность и политизацию больших языковых моделей, манипуляцию общественным мнением и распространение дипфейков, использование для кибератак на инфраструктуру выборов и управление электоральным поведением. Главным выводом исследования является утверждение о существовании рисков по скрытому манипулированию общественным мнением и управлению поведением индивида, выгодных создателям и владельцам ИИ, что может привести к потере национального цифрового суверенитета и делегитимации политического режима. В условиях вепонизации искусственного интеллекта российскому научному сообществу, законодателям и общественности необходимо активизировать работу по противодействию иностранному вмешательству посредством искусственного интеллекта в политические процессы России. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении и расширении представлений о потенциальных рисках при использовании искусственного интеллекта и больших языковых моделей в политической сфере жизни общества.

Ключевые слова: выборы, электоральные процессы, электоральный суверенитет, искусственный интеллект, большие языковые модели, нейросети, манипуляция общественным мнением, дипфейки

Для цитирования: Федоров В. И. Риски применения искусственного интеллекта в политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 219–222. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-219-222>, EDN: PRBQMS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The risks of using artificial intelligence in politics

V. I. Fedorov

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

Vladislav I. Fedorov, vifedorov@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4173-1358>

Abstract. We are witnessing that artificial intelligence and large language models are becoming an increasingly important tool in the political sphere of society, influencing election campaigns, political decision-making, and communication between the state and society. The aim of the work is to identify the risks of using artificial intelligence in political processes in Russia. The article comprehensively uses discourse analysis of scientific publications and academic research related to the risks of using large language models in politics, the comparative legal research method, and scenario forecasting, which allowed identifying gaps in legislative regulation and highlighting the need to improve legislation. The focus of this work is on the risks of using artificial intelligence in politics, including the bias and politicization of large language models, manipulation of public opinion and the spread of deepfakes, the use for cyberattacks on election infrastructure, and the management of electoral behavior. The main conclusion of the work is the assertion that there are risks of covert manipulation of public opinion and individual behavior management, which are beneficial to the creators and owners of artificial intelligence. This can lead to the loss of national digital sovereignty and the delegitimization of the political regime. In the context of the militarization of AI, the Russian scientific community, lawmakers, and the public need to step up efforts to counter foreign interference through the use of artificial intelligence in political processes in Russia. The theoretical significance of the work lies in clarifying and expanding understanding of the potential risks associated with the use of artificial intelligence and large language models in the political sphere of society.

Keywords: elections, electoral processes, electoral sovereignty, artificial intelligence, large language models, neural networks, manipulation of public opinion, deepfakes

For citation: Fedorov V. I. The risks of using artificial intelligence in politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 219–222 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-219-222>, EDN: PRBQMS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Влияние искусственного интеллекта (ИИ) и больших языковых моделей (БЯМ) возрастает во всех сферах жизни общества, включая политику. ИИ используют в разных целях: от анализа больших данных до автоматизации принятия решений и управления избирательными кампаниями. Некоторые политики обращаются к нейросетям для подготовки публичных выступлений, постепенно отказываясь от спичрайтеров. Хотя использование ИИ может повысить эффективность и скорость выполнения задач, оно также связано с рисками, которые способны подорвать доверие к политическим институтам и угрожать государственному суверенитету. Среди таких рисков – ангажированность и политизация языковых моделей, манипуляция общественным мнением, угрозы институту выборов и вепонизация ИИ. Как отмечают С. В. Володенков и С. Н. Федорченко, перед научным сообществом стоит задача формирования российской модели суверенизации цифровых коммуникаций, которая позволит обеспечить условия для развития сильного, независимого и конкурентоспособного в геополитическом смысле Российского государства [1, с. 42].

Сегодня в России правовое регулирование общественных отношений в сфере искусственного интеллекта в основном касается беспилотного транспорта, здравоохранения и предоставления государственных и муниципальных услуг, где принята соответствующая законодательная база. Политическая сфера применения ИИ пока регулируется в недостаточной мере. Ключевой правовой акт в этой области – Указ Президента РФ от 10 октября 2023 г. № 739 «Об утверждении Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Он определяет основные принципы и направления развития ИИ в России, включая его использование в политической сфере. По сути, на сегодняшний день политические партии и кандидаты не могут легально использовать ИИ для производства агитационно-печатной продукции в период избирательной кампании. Использование в агитации вводящих в заблуждение поддельных изображений, аудиовизуальных материалов, в том числе созданных с помощью компьютерных технологий и способствующих созданию положительного или отрицательного отношения избирателей к кандидату или политической партии, являются основанием для отказа в регистрации и отмены решения о регистрации.

Среди российских исследователей преобладают алармистские выводы о характере влия-

ния ИИ на политические процессы. Российские авторы анализируют проблемы обеспечения государственного суверенитета [2], рост зависимости человека от ИИ в разных сферах жизни [3], риски замены политических экспертов искусственным интеллектом [4], особенности применения ИИ в политическом процессе [5], а также отсутствие реальной возможности контроля ИИ для создателей и общества [6]. Особое внимание уделяется вопросам влияния фейковой информации на общественное мнение [7], искажению правды под воздействием цифровых коммуникаций [8] и необходимости регулирования деятельности цифровых коммуникационных платформ со стороны государства [9].

Ангажированность и политизация языковых моделей является их ключевой проблемой. В зависимости от идеологических ориентаций их создателей разные языковые модели дают разные ответы на одинаковые вопросы. На сегодняшний день наблюдается рост популярности нейросетей, которые все чаще используются россиянами для получения информации и советов вместо традиционных поисковых сайтов Yandex и Google. Наиболее широкую известность и пользовательский интерес в России получили пять языковых моделей: ChatGPT, Yandex GPT, GigaChat, AI Text Generator, Deepseek.

Проанализировав идеологические установки языковых моделей на примере серии вопросов о политической системе России, автор пришел к выводу, что в целом нейросети придерживаются центристских политических взглядов, избегая радикальных позиций. При этом зарубежные языковые модели часто дают негативные ответы при оценке российской политической системы, направленные на ее дискредитацию. Это можно проверить с помощью ряда вопросов о доверии к государственным институтам России, результатам выборов, дистанционному электронному голосованию. При этом известные российские языковые модели обычно дают нейтральные ответы на эти вопросы, зачастую не упоминая о позитивных аспектах политической системы России. В таких условиях пользователь получает доступ только к зарубежной негативной и российской нейтральной информации, что делает невозможным формирование доверия к политической системе на основе ответов языковых моделей.

Таким образом, обозначенная проблема ангажированности и политизации языковых моделей требует соответствующего реагирова-

ния со стороны законодателей. Возможно, стоит рассмотреть ограничение доступа к зарубежным платформам искусственного интеллекта, которые распространяют дезинформацию о российской политической системе, подрывая суверенитет. Однако более продуктивным является тонкая настройка российских языковых моделей, которым нужно предоставлять пользователю более полную политическую информацию, соответствующую российскому законодательству.

Манипуляция общественным мнением является одним из наиболее значимых рисков. Алгоритмы анализа данных и генерации контента позволяют создавать персонализированные сообщения, которые могут влиять на взгляды и поведение избирателей. ИИ позволяет сегментировать аудиторию и направлять индивидуальные сообщения потребителям информации, что может приводить к распространению дезинформации, адаптированной под профиль пользователя. С помощью ИИ можно создавать глубокие подделки (deepfakes), которые имитируют речь или действия политических лидеров, что может использоваться для дестабилизации политической обстановки. Примерами такого рода стали фейки, созданные украинскими спецслужбами, где объектами информационной атаки были губернаторы Курской и Белгородской областей, а также руководители силовых структур.

Например, китайская технологическая компания ByteDance 5 февраля 2025 г. представила новую модель искусственного интеллекта под названием OmniHuman-1, которая способна генерировать видео с реалистичным изображением человека, что открывает новые возможности для создания контента, виртуальных аватаров и интерактивных приложений. OmniHuman-1 выделяется среди аналогичных технологий своей способностью создавать видео с любым соотношением сторон и пропорциями тела, а также улучшенным отображением жестов, что ранее было проблемой для других ИИ-моделей. Это достигается благодаря использованию передовых алгоритмов глубокого обучения и обработки изображений. Технология может быть использована для создания более достоверных фейковых видео, что может привести к распространению дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Российское общество нуждается в объективном информировании об угрозах дипфейков и мерах противодействия. Материал, разоблачающий фейк, должен описывать все этапы вери-

фикации информации, содержать убедительные доказательства целенаправленного искажения информации.

Угрозы институту выборов со стороны ИИ также являются вызовом для государства и связаны с разрушением электорального суверенитета. Мощный ИИ может быть использован для вмешательства в избирательные процессы, незаметной фальсификации итогов голосования и дискредитации отдельных должностных лиц и института выборов в целом. В связи с этим в ряде стран, включая Россию, не разрешено применение дистанционного электронного голосования из-за рубежа, что создает дополнительные риски иностранного вмешательства. Искусственный интеллект часто используется для автоматизации кибератак, направленных на взлом платформ электронного голосования и электронных списков избирателей. Это может привести к нарушению целостности данных и поставить под сомнение результаты выборов, тем самым подрывая легитимность избирательного процесса.

В ряде европейских стран широкое распространение получили электронные приложения для помощи в голосовании с искусственным интеллектом (Voting Advice Applications – VAA), которые помогают сделать политический выбор избирателю на основании анкетных данных, которые он заполняет при регистрации в приложении. Очевидно, что такие электронные помощники могут влиять на электоральное поведение и корректировать его в интересах владельцев этих приложений, которые обычно ориентированы на сохранение правящего политического режима. К очевидным рискам таких приложений можно отнести попытки манипулирования и скрытой агитации среди избирателей, намеренное введение в заблуждение, скрытый сбор сведений об электоральных предпочтениях общества в интересах владельцев этих приложений. Можно констатировать, что создатели подобных приложений ориентировались на успешные примеры по манипулированию общественным мнением в американских социальных сетях и видеохостингах, где широко распространена политическая цензура [10].

Следует согласиться с членом ЦИК России И. Б. Борисовым, подчеркивающим опасность электорального экстремизма, который может вызывать неблагоприятные для государства и общества уничтожающие эффекты – от социальных взрывов и «оранжевых революций» до слома конституционного порядка и силового

захвата власти [11]. Электоральный экстремизм с применением ИИ по масштабам разрушительного воздействия на суверенитет избирательной системы будет сравним с применением ядерного оружия на поле боя. Для снижения рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в политике, необходимо разработать законодательные нормы, регулирующие применение ИИ в политике, включая запрет на использование deepfakes и микротаргетинга для распространения дезинформации. Появление ИИ уже сказалось на усилении неравенства между государствами, как это произошло в первой половине прошлого столетия с появлением разработок в ядерной сфере [12].

Таким образом, применение искусственного интеллекта в политике связано с серьезными рисками. Можно выделить три основных направления угроз: ангажированность и политизация больших языковых моделей; манипуляция общественным мнением и распространение дипфейков; использование ИИ для кибератак на инфраструктуру выборов и управления электоральным поведением. В зависимости от идеологических ориентаций владельцев и создателей платформы искусственного интеллекта могут стремиться к скрытому управлению поведением людей и общества в целом, что может привести к потере национального цифрового суверенитета и делегитимации политического режима. Российским законодателям и экспертам необходимо активизировать работу по противодействию вмешательству искусственного интеллекта в политические процессы России.

Прозрачность алгоритмов, отчеты об их использовании и разработка международных стандартов являются ключевыми элементами ответственного применения ИИ в политике. Только при условии соблюдения этих принципов можно минимизировать риски и обеспечить использование новых технологий для достижения общественного блага.

Список литературы

1. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Суверенизация цифровых общественно-политических коммуникаций: анализ академического дискурса // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21, № 4. С. 26–47. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_4_26
2. Торкунов А. В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 7–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.02>, EDN: CYRKPН
3. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 40–55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.04>, EDN: MKUTKU
4. Симонов К. В. Политическая экспертиза: как не умереть в эпоху искусственного интеллекта // Власть. 2024. Т. 32, № 4. С. 9–13. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-9-13>, EDN: XFTOEL
5. Кузнецов А. Г. Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов // Социология власти. 2020. № 2. С. 157–182. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-2-157-182>, EDN: OJYPQZ
6. Бажанов В. А. Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 3. С. 193–210. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2023-3-193-210>
7. Манойло А. В. Фейковые новости как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 2. С. 41–42. EDN: HGEVFP
8. Грачев М. Н., Евстифеев Р. В. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 2. С. 229–248. EDN: SKTGBY
9. Попова И. М. Регулирование цифровых платформ в Бразилии: политический контекст согласования новых законов // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 93–109. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-05>, EDN: OSHKQE
10. Федоров В. И. Формирование общественного мнения об электронном голосовании в социальных сетях на примере YouTube // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 1. С. 89–96. EDN: TVXLXZ
11. Борисов И. Б. Электоральный экстремизм: понятие и система противодействия // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2024. № 7–8. С. 1–14. EDN: ECCOIN
12. Аветисян А. И., Силаев Н. Ю. Россия – серьезный игрок в гонке ИИ // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 4. С. 136–145. EDN: PGOWLН

Поступила в редакцию 14.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 14.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 20.02.2026

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 223–230

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 223–230

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-223-230>, EDN: RWTJJH

Научная статья

УДК 327

Международное энергетическое сотрудничество Китая в условиях ужесточения западных санкций против стран Глобального Юга

Чэнь Фанбо

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Чэнь Фанбо, аспирант кафедры политологии, fangboc@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0919-385X>

Аннотация. В статье анализируется трансформация внешнеполитической стратегии КНР в энергетической сфере на фоне консолидации стран Запада и расширения санкционного давления на государства Глобального Юга. Рассматриваются механизмы использования Китаем западных санкций для укрепления собственной энергетической безопасности и формирования альтернативной архитектуры международных отношений. Особое внимание уделяется влиянию западных санкций, введенных против государств Глобального Юга, на внешнеполитическое планирование Китая. Доказывается, что Китай использует данные ограничения не как угрозу, а как возможность для импорта энергоресурсов по ценам ниже мировых и укрепления своего геополитического потенциала. Делается вывод о формировании двухконтурной глобальной энергетической системы, где экономическая целесообразность подчинена геополитическим приоритетам.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Глобальный Юг, страны Запада, геополитическое противоборство, западные санкции, энергетическая безопасность, энергетическая дипломатия, международное сотрудничество

Для цитирования: Чэнь Фанбо. Международное энергетическое сотрудничество Китая в условиях ужесточения западных санкций против стран Глобального Юга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 223–230. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-223-230>, EDN: RWTJJH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

China's international energy cooperation amid tightening Western sanctions against Global South countries

Chen Fangbo

Moscow State Linguistics University, 38, bld. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Chen Fangbo, fangboc@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-0919-385X>

Abstract. This article examines the evolution of China's foreign policy strategy in the energy sector against the backdrop of Western consolidation and expanding sanctions pressure on Global South countries. It explores the mechanisms through which China leverages Western sanctions to enhance its own energy security and shape an alternative international relations architecture. Particular attention is paid to the impact of Western sanctions imposed on Global South states on China's foreign policy planning. The paper argues that China perceives these restrictions not as a threat but as an opportunity to import energy resources at below-market prices and strengthen its geopolitical influence. It concludes by suggesting the emergence of a dual-circuit global energy system, in which economic rationality is subordinated to geopolitical priorities.

Keywords: China's foreign policy, Global South, Western countries, geopolitical rivalry, Western sanctions, energy security, energy diplomacy, international cooperation

For citation: Chen Fangbo. China's international energy cooperation amid tightening Western sanctions against Global South countries. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 223–230 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2026-26-2-223-230>, EDN: RWTJJH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная система международных отношений переживает период фундаментальной трансформации, характеризующийся переходом от глобальной экономической взаимозависимости к фрагментации и блоковому противостоянию. Энергетика традиционно играет важную роль в развитии мировой экономики, превратившись де-факто в инструмент геополитической борьбы. В центре этого глобального противостояния находится Китайская Народная Республика, чья энергетическая безопасность стала одной из главных мишеней стратегии сдерживания, реализуемой «коллективным Западом» по отношению к Китаю.

Глобальный энергетический рынок рассматривается многими экспертами в качестве пространства свободной конкуренции, где политика играет второстепенную роль. Эта иллюзия была окончательно опровергнута рядом событий последних лет: подрыв газопроводов «Северный поток» в ходе конфликта на Украине стал причиной пересмотра содержания стратегий энергетической безопасности ряда стран в Европе и в мире; соперничество между США и Китаем перераспределило глобальные инвестиции в новые источники энергии. Энергетика вновь, как и столетие назад, стала ключевым инструментом проекции силы держав и определяющим фактором геополитики, где политические интересы и стратегии государств напрямую воздействуют на глобальные торговые и экономические процессы.

Однако современная конфигурация конфликта имеет принципиальное отличие. Мы наблюдаем формирование качественно новой коалиции, которую можно назвать «расширенным Западом». Если ранее санкционное давление было прерогативой евроатлантического альянса, то сегодня к политике жесткого сдерживания активно подключаются ключевые игроки Азиатско-Тихоокеанского региона [1, р. 122]. Заявления премьера Японии, открыто увязавшие свою безопасность с ситуацией вокруг Тайваня¹, и интеграция Австралии в военно-технологические альянсы англосаксонского

¹ 高市首相、台湾有事「存立危機事態になりうる」武力攻撃の発生時 // 朝日新聞 = Заявление японского официального лица о потенциальной эскалации тайваньского вопроса до уровня «кризиса государственной безопасности» // Газета «Асахи симбун». URL: <https://www.asahi.com/articles/ASTC722TVTC7UQIP04NM.html?msocid=2eec7ef26f026cb21fa7684e6ec46d9d> (дата обращения: 21.11.2025).

мира (AUKUS) свидетельствуют о создании глобального «санитарного кордона». В этой архитектуре Китай рассматривается как системный противник, которого необходимо отрезать не только от технологий, но и от контроля над энергоресурсными потоками.

Западное санкционное давление создает для Китая комплексную угрозу в двух ключевых направлениях: прямые ограничения и косвенные вызовы. Запад целенаправленно вводит санкции против конкретных сегментов китайского ТЭКа, стремясь замедлить его технологическое развитие. Меры, вводимые против стран Глобального Юга (таких как Иран или Венесуэла), хотя и нацелены в первую очередь на подрыв экономического суверенитета этих государств, фактически создают серьезный побочный риск для Китая, стремящегося к диверсификации источников сырья. Таким образом, Китай вынужден не только противостоять прямым ограничениям, но и разрабатывать сложные обходные механизмы (как в случае с Малайзией), чтобы обеспечить надежность своих энергоресурсных потоков. В совокупности эти прямые и косвенные меры образуют скоординированную стратегию стран Запада, нацеленную на сохранение технологического разрыва в традиционной энергетике и одновременное увеличение транзакционных издержек Китая по диверсификации поставок.

В данной статье рассматривается, как Китай адаптирует свою внешнеполитическую стратегию, используя западные санкции против государств Глобального Юга для построения альтернативной архитектуры глобальной энергетической безопасности. Парадокс ситуации заключается в том, что попытки Запада изолировать ресурсодобывающие страны Глобального Юга создают для Китая уникальное окно возможностей. Вместо того чтобы поддаться давлению, КНР переходит к стратегии активного геополитического конструирования, превращая западные санкции в отправную точку для построения новой, независимой от доллара и западных морских путей, энергетической реальности.

Консолидация стран Запада и расширение геополитического давления на Глобальный Юг

Современная архитектура международных отношений переживает фундаментальную трансформацию. Принципиально новым фактором мировой политики последних лет стало

расширение понятия «Запад». Если в XX в. под этим термином понимался евроатлантический альянс (США и Европа), то сегодня мы видим формирование глобальной коалиции, включающей ключевых игроков Индо-Тихоокеанского региона [2, с. 44].

Япония, традиционно сдержанная в жестких геополитических маневрах, совершила резкий поворот в своей оборонной и внешней доктрине. Заявления о том, что «безопасность Тайваня – это безопасность Японии», а также активное участие в санкционных механизмах G7 свидетельствуют о готовности играть роль ключевого элемента в «санитарном кордоне» вокруг Китая. Аналогичную позицию занимают Австралия и Новая Зеландия. Будучи интегрированными в англосаксонские структуры безопасности (AUKUS, Five Eyes), эти страны проецируют влияние на государства Океании и Юго-Восточной Азии, пытаясь ограничить там китайское присутствие. Для стран Глобального Юга это означает усиление дилеммы выбора: сотрудничество с Китаем теперь несет риск попадания под вторичные санкции не только США, но и их тихоокеанских союзников.

В этой конфигурации Китай рассматривается Западом не просто как конкурент, а как главный геополитический противник и «системный вызов», что отражено в стратегических документах НАТО и США². Стратегия сдерживания КНР перестала быть точечной и приобрела комплексный характер, включающий:

– дипломатическую изоляцию: создание блоков (QUAD, AUKUS) по периметру китайских границ;

– торговые барьеры: ограничение доступа китайских компаний на западные рынки, введение повышенных тарифных пошлин (например, на китайские электромобили в США и ЕС) и создание барьеров для инвестиций;

– целенаправленное давление на энергетический сектор: попытки контроля над морскими путями транспортировки углеводородов (Малаккский пролив) и ограничение доступа к технологиям их добычи и переработки.

² Vilnius Summit Communiqué // NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2023/07/11/vilnius-summit-communication> (дата обращения: 22.11.2025) ; The Indo-Pacific Strategy // The White House. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 22.11.2025) ; Washington Summit Declaration // NATO. URL: <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2024/07/10/washington-summit-declaration> (дата обращения: 22.11.2025).

Давление оказывается не только на Китай, но и на широкий круг стран Глобального Юга. В рамках стратегического соперничества с Китаем Запад, и в первую очередь США, активизирует свои усилия по привлечению на свою сторону этих стран. Параллельно в западном политическом дискурсе укоренился нарратив, в рамках которого государства Глобального Юга часто рассматриваются как важные источники ресурсов и пространство для расширения китайского влияния [3, р. 83]. Однако важно подчеркнуть, что эти страны не выступают пассивными объектами в большой игре, а активно используют свою растущую стратегическую автономию для проведения многовекторной дипломатии и максимизации выгод из меняющейся расстановки сил великих держав, защищая тем самым свои национальные интересы [4, с. 25].

Архитектура санкций: инструментализация экономики

В условиях стратегического соперничества санкции становятся инструментом внешнеполитического давления, нацеленным на принуждение или сдерживание стран-соперников. В этой связи необходимо проанализировать особенности санкционного давления со стороны Запада, в условиях которого КНР выстраивает свою внешнеполитическую стратегию, включая ее энергетические аспекты. В сфере энергетики западные санкции делятся на два типа: ограничивающие экспорт ресурсов (против «недружественных» ресурсодобывающих стран) и ограничивающие импорт технологий (против Китая).

В рамках санкционного давления против «недружественных» поставщиков (Россия, Иран, Венесуэла) США и ЕС, используя глобальное доминирование доллара и контроль над институтами страхования морских перевозок, ввели жесткие ограничения против энергетических секторов этих стран, бросивших вызов западному мировому порядку. Политическая цель санкций против этих государств заключается в нанесении значимого ущерба их доходам от продажи энергоносителей и геополитической субъектности. В отношении России западные санкции включали эмбарго на поставки нефти и нефтепродуктов, введение «потолка цен» (price cap), отключение банков от SWIFT, что усложняет расчеты за энергоносители. Но санкции не достигли значительного

результата в силу того, что экспортные потоки были оперативно переориентированы на страны Востока.

Западная политика в отношении КНР трансформируется в стратегию, нацеленную на долгосрочное сдерживание. Понимая невозможность прямой энергетической блокады, что принесет опасность коллапса мировой экономики, удар наносится по будущему потенциалу Поднебесной. США и их союзники (включая Нидерланды и Японию) ограничивают доступ КНР к технологиям, делая его зависимым от внешних поставок. В энергетической отрасли данный курс проявляется в рамках таких направлений, как контроль над доступом к рынкам и принуждение к «дерискингу», ограничение доступа к ключевому оборудованию и технологиям, финансово-инвестиционный контроль и ограничение операционных возможностей.

Контроль над доступом к рынкам и принуждение к «дерискингу» нацелены на снижение возможностей китайских энергетических и высокотехнологичных компаний на западных рынках и сокращение зависимости от китайских производственных цепочек. Конкретными мерами являются сохранение высоких тарифных барьеров в рамках продолжающейся торговой войны со стороны США, активные антисубсидиарные расследования ЕС против ключевых секторов энергоперехода Китая (электромобили, солнечные батареи). Кроме того, поощряя свои компании перенести производства в страны, рассматриваемые как политически более безопасные, страны Запада законодательно исключают китайские технологии из субсидируемых государством проектов зеленой энергетики, даже в ущерб экономической эффективности. Это заставляет глобальные энергетические корпорации отказываться от наиболее конкурентоспособных китайских технологий и оборудования.

На сдерживание технологического развития Китая в энергетической сфере направлено ограничение доступа к ключевому оборудованию и технологиям. Запад вводит ограничения на поставки критического оборудования и компонентов для всех секторов энергетики – от традиционной энергетики до возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В традиционной энергетике вводятся ограничения на передачу технологий для освоения сложных месторождений (глубоководное бурение, оборудование

для производства СПГ), что тормозит модернизацию нефтегазового комплекса КНР. В сфере ВИЭ устанавливается жесткий контроль над «высоким переделом». Вводятся экспортные ограничения на высокопроизводительные полупроводники и оборудование для их производства (например, голландские литографические машины ASML). Поскольку эти компоненты критически важны для систем управления энергосетями, ИИ в разведке месторождений и энергоэффективных вычислений, данная блокада наносит прямой удар по будущей энергетической эффективности китайской экономики.

Финансово-инвестиционный контроль и ограничение операционных возможностей нацелены на ужесточение режима проверки прямых иностранных инвестиций через такие механизмы, как американский CFIUS (Комитет по иностранным инвестициям в США), который используется для блокирования китайских инвестиций в критические секторы экономики Запада, включая технологии энергоперехода, добычу критических минералов и ИИ для энергосистем. Механизмы вроде «потолка цен» на нефть, сопровождаемые запретами для западных сервисных компаний (страховых, логистических) работать с нарушителями, косвенно затрудняют доступ китайским компаниям к легальным глобальным услугам, вынуждая создавать параллельные системы («теневой флот», альтернативные платежные механизмы).

В рамках стратегического сдерживания Китая Запад стремится ограничить его присутствие в Арктическом регионе. В настоящее время Арктика как источник энергоресурсов и альтернативный транспортный коридор превращается в зону стратегического соперничества великих держав. Традиционные маршруты поставок несут в себе системные риски. Морские пути, такие как Малаккский пролив, находятся под влиянием активного военно-морского присутствия западных держав. Сухопутные трансконтинентальные коридоры, в свою очередь, могут быть подвержены внезапной блокировке из-за геополитической нестабильности. На этом фоне арктические маршруты, как альтернатива, приобретают стратегическую ценность. Именно поэтому Арктический регион занимает уникальное место в стратегии внешней политики Китая [5, с. 30]. Чтобы сдерживать рост влияния Китая в этом регионе, западные страны используют такие меры, как ограничение доступа к передовым технологиям и фактический запрет на

участие в чувствительных инфраструктурных проектах. Возможность расширения Китаем геополитического присутствия в Арктическом регионе систематически ограничивается в рамках более широкой политики технологического сдерживания.

Можно сделать вывод о том, что санкционная политика Запада в отношении ресурсных государств дает в целом обратный эффект: вместо изоляции она консолидирует страны, бросившие вызов западной гегемонии. Это сплочение происходит в процессе энергетической кооперации, которая становится осью для расширения торговли, технологического обмена и многосторонней дипломатии между этими странами. В результате формируется устойчивый антисанкционный альянс, который не только участвует в геополитическом противостоянии, но и придает новый импульс инициативам Глобального Юга, превращая их из декларативных платформ в практический механизм построения альтернативного миропорядка.

Стратегия Китая: превращение рисков в возможности

Китай эффективно работает в условиях ужесточения западных санкций против третьих стран. Его стратегия базируется на двух столпах: экономическом прагматизме и усилении геополитического влияния в качестве крупнейшего импортера энергоресурсов в глобальном масштабе.

Китай эффективно использует статус главного покупателя для стран, отрезанных от западных рынков, приобретая их энергоресурсы со значительным дисконтом. Санкции против стран, попавших под удар Запада, привели к тому, что эти страны вынуждены продавать нефть и газ по существенно более низкой цене, примерно на 15% ниже рыночной [6, р. 7]. Китай, неформально присоединяясь к санкциям против них, но соблюдая осторожность, стал главным бенефициаром данной ситуации. Закупки нефти и газа у этих стран – политическое решение, которое дает колоссальное экономическое преимущество. Дешевые энергоносители снижают издержки производства китайской промышленной продукции, давая ей преимущество на мировом рынке именно в тот момент, когда европейская промышленность страдает от высоких цен на энергию.

Используя благоприятную ценовую конъюнктуру, Китай ускоренными темпами заполняет свои стратегические нефтехранилища, что значительно повышает степень устойчивости его экономики на фоне геополитической турбулентности [7, р. 21]. Эти действия направлены на создание «подушки безопасности» на случай прямой морской блокады или резких колебаний цен, вызванных новыми геополитическими конфликтами на Ближнем Востоке или в Тайваньском проливе.

На фоне ужесточения противоборства между Западом и КНР приоритетными направлениями энергетической стратегии Китая стала стратегия максимальной диверсификации источников импорта энергоносителей, в том числе путем создания региональных «сообществ единой судьбы». Важным инструментом для достижения этой цели является укрепление энергетического сотрудничества со странами Глобального Юга.

Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в рамках «Одного пояса, одного пути» носит стратегический характер, причем энергетика является его ключевым направлением. Строительство трубопроводов (нефтепровод Казахстан – Китай, газопровод Центральная Азия – Китай) создает надежный сухопутный коридор для импорта центральноазиатских углеводородов, минуя критическую зависимость от контролируемых Западом морских путей. В условиях санкций эта инфраструктура превратилась в систему стратегических маршрутов, гарантирующих стабильные поставки энергоресурсов.

Углубление двустороннего энергетического сотрудничества осуществляется через многосторонние институты. Создание в 2023 г. Китайско-центральноазиатского партнерства в области энергетического развития и активизация ШОС (примерно 20% импорта углеводородов Китая в 2024 г.³) служит инструментом защиты инфраструктуры от экстерриториального давления, изоляции от прямого действия западных санкций и создания альтернативной нормативной базы. На этой основе сотрудничество охватывает также и сферу ВИЭ (проект ветроэлектростанции «Жанатас» в Казахстане

³ 2024年中国与上合组织其他成员国贸易额约5124亿美元 // 商务部 = Товарооборот Китая с другими странами-членами ШОС в 2024 г. составил приблизительно 512,4 млрд долларов США // Министерства коммерции КНР. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202508/content_7038048.htm (дата обращения: 10.12.2025).

и проект Рогунской ГЭС в Таджикистане)⁴, что создает прочную основу для реализации концепции Китайско-центральноазиатского сообщества единой судьбы и формирует пространство глубокой экономической интеграции, менее зависимое для внешнего давления.

Аналогичным образом Китай последовательно наращивает энергетическое сотрудничество в Латинской Америке, которую США традиционно рассматривают как сферу своего исключительного влияния, что еще раз было подчеркнуто в опубликованной в конце 2025 г. новой американской Стратегии национальной безопасности. Стратегический замысел Китая выходит за рамки простой диверсификации поставок и представляет собой сознательное построение геэкономической альтернативы «Доктрине Монро» в рамках институтов БРИКС и двусторонних отношений [8, с. 172]. Ключевым механизмом здесь являются масштабные инвестиции китайских госкомпаний в стратегически значимые активы, такие как глубоководные месторождения Бразилии. Подобные проекты для Китая не только обеспечивают долгосрочные поставки гарантированных объемов нефти, снижая зависимость от Ближнего Востока, но и усиливают присутствие китайских капиталов и технологий в этом регионе. Таким образом, энергетическое сотрудничество со странами Латинской Америки становится для Китая инструментом не столько коммерческим, сколько геополитическим. Предоставляя странам региона экономическую альтернативу, Китай оспаривает не просто долю рынка, а сам принцип исключительности влияния США в Западном полушарии, создавая тем самым структурные предпосылки для долгосрочного изменения баланса сил в регионе.

В рамках концепции сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) с соседними странами Китай выстраивает с ключевыми государствами Юго-Восточной Азии отношения не просто партнерские, а стратегические, основанные на взаимодополняющих экономических интересах. Приоритетом осуществления этой концепции является создание устойчивой региональной энергетической архитек-

⁴ 中能传媒能源安全新战略研究院. 共建“一带一路”绿色能源合作报告(2024) = Институт новой стратегии энергобезопасности. Аналитический доклад о сотрудничестве в сфере зеленой энергетики в рамках инициативы «Одного пояса, одного пути» (2024). URL: https://www.cnpp.com.cn/news/xwtt/202410/t20241023_1745412.html (дата обращения: 03.12.2025).

туры, где каждый участник играет отведенную ему стратегическую экономическую роль.

Мьянма в этой системе обеспечивает альтернативные сухопутные маршруты, позволяющие перенаправить критически важные потоки ближневосточной и африканской нефти в обход уязвимого Малаккского пролива. Китайско-Мьянманский нефтегазопровод представляет собой геэкономический инструмент диверсификации логистических рисков. Малайзия, в свою очередь, предоставляет обходные механизмы. Парадокс, при котором она заняла третье место среди нефтяных поставщиков Китая в 2024 г., демонстрирует, как ее географическое положение используется для создания непрозрачных цепочек поставок, позволяющих обходить западные санкции против Ирана и Венесуэлы⁵. Сингапур благодаря своим развитым финансовым институтам и правовой системе служит важной платформой для структурирования сделок и управления рисками, позволяя китайскому капиталу смягчать угрозы санкционного давления Запада на глобальном энергетическом рынке.

Китайско-африканское энергетическое сотрудничество эволюционирует под влиянием геополитической конкуренции, трансформируясь от ресурсной модели в сторону комплексных инвестиций в устойчивое развитие, совместные технологии и создание инфраструктуры будущего, что укрепляет позиции Китая как ключевого стратегического партнера Африки. В основе сотрудничества лежит стремление Китая обеспечить энергетическую безопасность за счет диверсификации поставок из стран Африки нефти, газа и критически важных минеральных ресурсов, в том числе для возобновляемой энергетики. Стремясь противостоять усилиям Запада по сдерживанию своего влияния, Китай наращивает инвестиции в стратегические секторы, предлагая африканским странам менее обременительные условия финансирования, поддержку локализации производства и передачу технологий. Конкуренция также стимулирует создание новых форматов взаимодействия, основанных на взаимодополняемости сторон, например, Китай – Африка – ЕС. Движущей силой этого процесса является рациональный расчет на снижение транзакционных издержек, минимизацию геополитических рисков и создание более предсказуемых условий для

⁵ 中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 26.11.2025).

инвестиций и торговли в ключевых секторах (инфраструктура, энергетика) [9, р. 957–968]. Такой формат стал реальной альтернативой для взаимодействия Китая и Европы в Африке, позволившей выйти за рамки простой борьбы за ресурсы, стандарты и влияние. Формат сотрудничества, где конкуренция и кооперация переплетены, может способствовать формированию более гибкой и прагматичной модели взаимодействия государств.

Энергетическое партнерство Китая и России, особенно в контексте украинского конфликта 2022 г. и последующих западных санкций, представляет собой классический случай, когда международное энергетическое сотрудничество обусловлено экономическими выгодами и геополитическими интересами. Для Китая приобретение российской нефти (свыше 20% импорта в 2024 г.)⁶ по ценам ниже рыночных решает ключевую задачу: обеспечивая стабильный доступ к энергоносителям по приемной цене, Китай укрепляет и свою энергетическую безопасность в целом (устойчивость), и свои позиции в ходе переговоров на глобальном энергетическом рынке в частности. Таким образом, КНР повышает свою макроэкономическую конкурентоспособность. В геополитическом измерении это взаимодействие является нормальным торгово-экономическим партнерством, в отличие от политики «одностороннего давления и экономического принуждения» со стороны США и их союзников. Это энергетическое взаимодействие служит символом независимого внешнеполитического курса КНР, неприятия Китаем западной гегемонии и последовательной поддержки им формирования многополярного мирового порядка.

Западные санкции, призванные ослабить оппонентов, парадоксальным образом ускорили формирование альтернативной, «незападной» энергетической архитектуры. Китай, используя изоляцию России и Ирана, не просто обеспечивает свою энергоресурсную базу, но и выстраивает прочные политические связи с ключевыми странами Глобального Юга (Бразилия, Казахстан).

Вместо подчинения правилам, сложившимся под влиянием Запада, Китай выстраивает альтернативную систему энергетического порядка. Эта новая архитектура, основанная на

⁶ 中国海关总署统计数据在线查询平台 = Данные Главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 26.09.2025).

двусторонних сделках, расчетах в национальных валютах и сухопутных коридорах, переносит конкуренцию из рыночной плоскости в геополитическую. В результате глобальный энергетический порядок приобретает черты многополярной структуры, состоящей из конкурирующих центров. В рамках этой новой конфигурации доступ к энергоресурсам определяется не столько ценой, сколько политической принадлежностью и устойчивостью к санкционному давлению.

Таким образом, в условиях ужесточения западных санкций международное энергетическое сотрудничество служит для Китая ключевым механизмом превращения кризиса в стратегическую возможность. Данный подход также находит отражение в новой Белой книге КНР по атомной энергетике⁷. Международное сотрудничество в энергетической сфере не только напрямую снижает эффективность западного давления, но и, создавая материальную основу для консолидации стран Глобального Юга, изменяет баланс сил в мировой политике. Для всего Глобального Юга оно стало практическим инструментом системного сдерживания гегемонии Запада и отстаивания модели суверенного развития.

Заключение

Энергетическое сотрудничество Китая со странами Глобального Юга в условиях противостояния с Западом приобретает геополитический характер. Жесткие ограничительные меры стран Запада, направленные на изоляцию недружественных режимов и сдерживание Китая, стимулируют пересмотр архитектуры международного сотрудничества и создание альтернативных институциональных форматов.

Международное энергетическое сотрудничество Китая со странами Глобального Юга, включая инвестиции в нефтегазовую инфраструктуру, масштабный экспорт технологий ВИЭ и локализацию производства компонентов (солнечных панелей, аккумуляторов), способствует созданию устойчивых к санкциям институтов и формированию глубоко интегрированного экономического пространства.

⁷ 《新时代的中国军控、裁军与防扩散》白皮书. 国务院 = Белая книга «Контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение оружия в Китае в новую эпоху» // Госсовет КНР. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202511/t20251127_940277.html (дата обращения: 28.11.2025).

Это позволяет Китаю не только обеспечивать энергетическую безопасность, но и расширять свое геополитическое влияние.

Сотрудничество, реализующееся в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и концепции сообщества единой судьбы человечества, формирует иное видение глобального управления, основанное на принципах, отличных от либеральных. Предлагая альтернативные модели финансирования инвестиционных проектов без политических условий, Китай консолидирует страны Глобального Юга вокруг принципа коллективного суверенитета против одностороннего принуждения. Энергетические контракты становятся здесь материальной основой для формирования новых, устойчивых к санкциям контуров взаимодействия стран, чьи интересы институционализируются в рамках БРИКС+ и других структур Глобального Юга. В то же время при помощи экспорта технологий зеленой энергетики Китай не только осваивает новые рынки, но и продвигает альтернативную климатическую повестку. Это оспаривает монополию Запада на определение стандартов устойчивого развития и размывает нормативную основу для потенциальных климатических санкций.

Таким образом, международное энергетическое сотрудничество Китая служит важным инструментом формирования устойчивой к санкциям, многополярной архитектуры энергетического сотрудничества посредством экономической интеграции стран Глобального Юга. Эта архитектура материализуется через создание инфраструктуры поставок энергоносителей, формирование институтов вне западного контроля и продвижение собственных технологических стандартов, что позволяет перестраивать правила глобального взаимодействия независимо от стран Запада и закрепляет за Китаем роль координирующего центра для стран Глобального Юга в условиях санкционного противостояния.

Список литературы

1. 李德杰.体系的羁绊: 亚太小多边安全合作的互动逻辑 [J]. 国际展望, 2024, 16(02): 121-140. = Ли Дэцзе. Оковы

системы: интерактивная логика субрегионального сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международный обзор. 2024. Т. 16, № 2. С. 121–140. <http://doi.org/10.13851/j.cnki.gjzw.202402007>

2. Киселев С. Г., Опокин А. Б. История повторяется? Новая геополитическая блочная структура создается в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2 (847). С. 43–37. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_2_847_43, EDN: VXACGY
3. Braveboy-Wagner J. A. Diplomatic Strategies of Rising Nations in the Global South: The Search for Leadership and Influence. New York : Palgrave Macmillan, 2024. 478 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-52629-9>
4. Рукавицын П. М. Современные китайско-германские отношения как отражение кризиса трансатлантического единства в противостоянии стран Запада и КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 3 (860). С. 24–32. EDN: QRNZNT
5. Магомедов А. К. Арктическая стратегия Китая в XXI веке: от всеобъемлющего подхода к реалиям «постфевральской Арктики» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 26–34. EDN: QOSIXE
6. Miller C., Kumleben N., Nowak C. Sanctions on Russia and the Splintering of the World Oil Market. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep57759> (дата обращения: 28.11.2025).
7. 袁惊柱. 国家储备体系的现状、主要问题与完善建议. 供应链管理, 2025, 6(04): 19-26. = Юань Цзинчжу. Современное состояние системы государственного резервирования, ключевые проблемы и предложения по ее совершенствованию // Управление цепями поставок. 2025. Т. 6, № 4. С. 19–26. <https://doi.org/10.19868/j.cnki.gylgl.2025.04.002>
8. Каткова Е. Ю., Еремин А. А. Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. № 2. С. 164–188. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-07>, EDN: LTFJLZ
9. Baxter T. EU-China-Africa Trilateral Development Cooperation: New Areas of Convergence amid Increasing Rivalry // The Palgrave Handbook on China-Europe-Africa Relations / eds. Y. Li, F. J. B. S. Leandro, J. Tavares da Silva, C. Rodrigues. Singapore : Palgrave Macmillan, 2024. P. 957–971. https://doi.org/10.1007/978-981-97-5640-7_47

Поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 20.02.2026